

Д. В. Васильев**Реорганизация казахского общественного управления в контексте столыпинской аграрной реформы**

Интерес к проблеме землеустроительной политики российского правительства в Казахской степи в конце XIX — начале XX века определяется тем, что в исследовательской литературе последних лет продолжают господствовать традиционные тенденции: мотивация экспансионистской политики царского правительства желанием сделать регион максимально доступным для крестьян из перенаселенных районов внутренней империи; объяснение активизации процессов седентаризации экономическими потребностями государства. Однако знакомство с делопроизводственной и законодательской документацией начала XX столетия убеждает в том, что главной причиной разрушения традиционного (общинно-родового) уклада казахов являлось развитие тенденции на дальнейшее сближение коренного населения с соответствующим слоем жителей внутренних губерний страны — крестьянами, провозглашенной еще в 1868 г. На практике эти устремления обернулись не только ломкой традиционного уклада, но и падением уровня жизни казахов.

Ключевые слова: кочевое скотоводство, оседлое земледелие, седентаризация, столыпинская реформа, казахи, Казахская степь.

В последние годы активизировался интерес исследователей к истории Казахской степи в составе Российской империи [2; 4; 6—8; 11; 15—17; 19; 22]. Наряду с другими вопросами активно обсуждается землеустроительная политика российского правительства в регионе в конце XIX — начале XX века [9; 10; 20; 21]. Однако представляется, что углубление в фактологическую сторону дела оставляет вне зоны внимания настоящие цели правительства, часто подменяя их привычным экономическим детерминизмом или не менее привычным для части историографии тезисом о желании царской власти сохранить за собой возможность изъятия казахской земли «в любой необходимый для этого момент» [1, с. 426]. Но архивные документы, то есть материалы делопроизводства, не имевшие пропагандистского характера, убеждают, что ситуация была несколько иной. Ускоренная седентаризация казахов и стремление разрушить их традиционный уклад в своей основе были мотивированы иными намерениями.

Вопрос о казахском землепользовании был остро поставлен на повестку дня государства в период руководства П. А. Столыпина, когда в общероссийском масштабе обсуждался аграрный вопрос, вошедший в историю как столыпинская аграрная реформа. В июне 1906 г. руководитель Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗЗ) А. В. Кривошеин представил в Совет министров проект Положения о поземельном устройстве крестьян и инородцев сибирских губерний и областей. Однако этот проект не получил хода ввиду шедшего в то время обсуждения Положения о землеустройстве, действие которого предполагалось распространить на Европейскую Россию и с которым следовало согласовать локальные законодательные акты [18, л. 15].

Чуть менее года спустя председателю Совета министров был представлен переработанный законопроект, который уточнял виды угодий, не подлежащих при землеустройстве «обмену, разверстанию и отрезке, а обязательно сохраняемых за прежними владельцами». Не менее существенное изменение произошло в результате согласования позиций МВД и ГУЗЗ по устройству землевладения инородцев «в том смысле, что основным признано <было> начало обязательного закрепления определенных земельных долей за каждым домохозяином в отдельности, по возможности с выделом причитающейся им

© Васильев Д. В., 2019

земли в натуре; отвод же земель в общинное владение поставлен <был> в зависимость от прямого ходатайства о том большинства двух третей всех домохозяев» [18, л. 15]. Иными словами, на них предлагалось распространить общегосударственную тенденцию к укреплению единоличного хозяйства.

Рекомендуя распространить эти нововведения на сибирские губернии, а также на Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, А. В. Кривошеин признавал не менее важным переустройство поземельных отношений в степных областях. Причем, по его мнению, сделать это было необходимо без оглядки на нормы, установленные общеимперским законодательством, а также на предложенные в проекте для сибирских губерний и областей. Как водится, и в этом случае главноуправляющий землеустройством пенял на известные особенности землеустройства казахов и русских переселенцев в степных областях, а также на желательность «ныне же, не задерживая движения проекта новым его пересмотром, осуществить хотя бы часть задачи, предстоящей правительству в деле землеустройства Азиатской России и насаждения там мелкой крестьянской собственности...» [18, л. 15 об.].

В делах 8 делопроизводства Земского отдела МВД отложилась объяснительная записка к проекту об общественном устройстве, управлении и суде коренного населения степных областей [18, л. 16—31]. Документ под названием «Краткая объяснительная записка к законопроекту об общественном устройстве, управлении и суде инородцев Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей» содержит результаты работы совещания при МВД по пересмотру Степного Положения 1908 г. и явился итогом деятельности межведомственного совещания при МВД под председательством А. И. Лыкошина, которое и подготовило в 1913 г. проект Положения об общественном устройстве, управлении и суде оседлых и кочевых инородцев Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей.

Эта записка кроме всего прочего в очередной раз проливает свет на характер российской администрации в Казахской степи. Если прежде мы обращались к анализу значительного объема документов с тем, чтобы доказать колониальный характер имперского управления регионом в XVIII — первой половине XIX века [4], то предлагаемый документ практически называет вещи своими именами.

«До двадцатых годов прошлого столетия, в продолжение около девяноста лет, киргизские степи Сибири и Оренбургского края одинаково подчинялись пограничному порядку управления; правительство поддерживало поставленных над киргизами ханов и султанов и, оградив степные окраины линиями укрепленных пунктов, не вмешивалось в дела внутреннего управления кочевников» [18, л. 16 об.]. Упоминание «пограничного порядка управления» напоминает о концентрации высшего управления в руках Министерства иностранных дел. А далее следует перечисление основных принципов косвенного управления колонией — невмешательство во внутренние дела колонии и управление посредством традиционных институтов.

С 1822 г. Российская империя перешла от косвенного управления к прямому: «Главное управление киргизами вверялось на местах [приграничным. — Д. В.] губернаторам, а внутреннее — родоначальникам, наследственным или по выбору населения, но под ближайшим надзором и контролем правительственной власти. Разделение по ордам было упразднено, а взамен их были образованы округа — пограничные и близлинейные» [18, л. 16 об.].

Принято считать, что российские чиновники озаботились казахским землепользованием лишь к концу XIX в., когда со всей остротой встал вопрос об ограничении землевладения степных жителей. Однако не стоит упускать из вида, что уже в первых ком-

плексных законодательных актах о казахах М. М. Сперанского был закреплен принцип сохранения общности землепользования казахов при формировании округов, волостей и аулов. «Таким образом... ставилось непеременимым условием сохранение фактического землепользования киргизов, подлежащих соединению в волости, аулы и даже в округи» [18, л. 17].

Оценивая с высоты почти пройденного века землепользовательские нормы Сперанского, имперские чиновники, как представляется, несколько идеализировали опыт своего предшественника: «...Устав 1822 года, в сущности, закрепил искони существовавшее у киргизов административное деление по султанатам, переименованным в волости, и поволостное распределение угодий». Хотя, справедливости ради, приходится согласиться со следующим тезисом: «Сложившемуся искони землепользованию придавалось столь серьезное значение, что даже окружные приказы, ведавшие внутренним управлением округов, были устранены от какого-либо вмешательства в земельные распоряжки; на них лежала лишь обязанность охранять закрепленное Уставом 1822 года пользование путем судебного преследования самоуправщиков и захватчиков... но не нарушать или в чем-либо изменять его» [18, л. 17].

Устав о сибирских киргизах [13, с. 417—433] (§ 1) и Устав о сибирских инородцах [13, с. 394—417] (§ 27) признавали казахскую волость обособленной единицей, от которой зависело установление порядка землепользования (в том числе распределение земли между аульными обществами). При этом ни один из этих документов не регламентировал порядок избрания должностных лиц первичной администрации и ряд других важных процедур. Не был установлен порядок избрания родоначальников, назначения биев и разрешения дел смешанной подсудности, не указывался порядок разрешения поземельных споров между волостями и др. Выход из этого местная российская власть находила в праве применять к управлению казахами нормы, принятые в отношении сельских обывателей империи. Со временем некоторые из этих нововведений получали высочайшее утверждение и становились частью степного законодательства.

Однако в 1861 г. кардинально изменилось само положение сельских обывателей внутренней России. Со временем социально-экономическая модернизация стала распространяться и на национальные окраины империи (введение начал крестьянского самоуправления в Башкирии). Возникла потребность в соответствующих изменениях и в Казахской степи, которые последовали вслед за интенсивным продвижением Российской империи в Мавераннахр. Временное Положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 1868 г. [12, с. 323—340; 5, с. 279—293] как раз и преследовало одной из своих целей организацию первичного управления казахами на началах крестьянского самоуправления.

Сохраняя прежнее деление на волости и аулы, казахи в отношении организации общественного управления были практически приравнены к крестьянским обществам. В основе формирования аулов был оставлен прежний принцип общности хозяйственных (то есть земельных) интересов, а отсутствие регламентации порядка организации общественного управления казахов был компенсирован учреждением волостных и аульных сходов, приближенных к положению крестьянских сходов внутренней России. Право избрания на должности волостных управителей и аульных старшин лишь лиц привилегированного сословия (а также имеющих знаки отличия) было отменено. При этом волостные управители и аульные старшины были уравнианы в правах с волостными старшинами и сельскими старостами крестьян. В служебном же отношении они оказались в более привилегированном положении (утверждались в должностях более высоким на-

чальством). Податное обложение казахского населения также было приближено к общегосударственному.

А вот поземельные порядки, установленные в 1822 г., не только были оставлены в неприкосновенности, но и укреплены сопровождением известных процедур. Территории волостей определялись в зависимости от фактического землепользования казахов. Возникающие при этом споры должны были урегулироваться особыми съездами, постановления которых подлежали утверждению начальниками областей и внесению в особые книги соответствующих областных правлений (§ 214).

Еще на один момент следует обратить внимание. Осуществляя административные и социально-экономические преобразования в 1868 г., российское правительство, как и следовало ожидать, отказалось от перспективы ускорения модернизации и пролонгировало традиционное для казахов общинное (родовое, аульное) землепользование. Законодатель закрепил и на будущее время общественное пользование землей каждой волости в том виде, как оно существовало на момент издания Временного Положения 1868 г. (§ 213). При этом было оговорено, что распределение земли между аулами должно производиться особыми съездами выборных в соответствии с размерами хозяйства и количеством скота в каждом (§ 215). Таким образом было закреплено право аульного общества на обособленное землепользование в условиях государственной собственности на землю. Одновременно не только сохранялась предоставленная Уставом о сибирских киргизах (§ 172 и 179) возможность получать и передавать по наследству обособленные участки для ведения оседлого хозяйства, она теперь становилась обязанностью аульных обществ (§ 216). Иными словами, кроме общего землепользования, часть угодий, необходимых для устройства зимних стойбищ, хлебопашества и сенокосения, фиксировались в качестве подворного пользования. То есть в казахских аулах с 1869 г. установилась смешанная, подворная и общинная, форма землепользования.

Составители Степного положения 1891 г. [14, с. 135—147; 3, с. 546—561] сочли основы самоуправления настолько укоренившимися в сознании и быте казахов, что решили включить в новый закон без изменения несколько разделов Общего Положения о крестьянах: обязанности волостных и аульных съездов и должностных лиц (§ 78 Степного Положения). Там же, где нормы, принятые в отношении крестьян, не могли еще применяться к казахам, вводились изменения, которые еще больше сближали положение обеих категорий населения. Например, аульные съезды десятидворцев, предусмотренные Временным Положением 1868 г., заменялись съездами всех кибитковладельцев.

Одновременно Положение 1891 г. продемонстрировало и серьезные отклонения от курса на сближение казахов с крестьянами внутренней России. В первую очередь это касается ограничения выборного начала. Устав 1822 г. и Временное Положение 1868 г. предоставляли казахам право выбора должностных лиц, в отношении которых действовал ценз и которые подлежали утверждению вышестоящей властью. Степное Положение 1891 г. предоставило губернаторам не только право не утверждать избранных кандидатов, но и возможности назначения новых выборов или замещения общественной должности вовсе без проведения оных. А в исключительных случаях министр внутренних дел и генерал-губернатор могли назначать глав общественного управления по собственному усмотрению.

В Главном управлении землеустройства и земледелия были уверены в ошибочности этих нововведений, которые вместо предотвращения раздоров на выборах вели к противоположному результату. «Цель законодателя внести успокоение в киргизскую массу, приходящую в беспокойное состояние при выборах, не была и не могла быть достигнута, так как была упущена из виду самая главная причина раздоров, заключающаяся не

столько в племенных особенностях населения, сколько в той значительной роли, которую суждено играть киргизской волости в экономической жизни населения» [18, л. 20].

Степное Положение 1891 г. весьма противоречиво толковало место волости в общественной жизни казахов. Если крестьянская волость как исключительно административная единица была создана для оптимизации управления и суда в группе соседних селений, то казахская волость кроме административной сохранила в себе (причем безосновательно) и хозяйственную функцию. Ибо она фактически сохранила за собой право распоряжения казахской землей. Хотя аул, как и сельское общество, признавался земельной единицей, состоящей из кибитковладельцев, имеющих совместное землепользование, а волость приобретала значение единицы административной (§ 57 Степного Положения), Степное Положение возложило на нее (на съезды волостных выборных) разрешение земельных споров, возникающих между аульными обществами волости. Это привело к тому, что «волость из чисто административной единицы обратилась в хозяйственную и сосредоточила в себе всю хозяйственную деятельность населения. Она получила фактически право распределять угоды между аулами; от нее зависит разрешение земельных споров между обществами; она разверстывает подати между аулами, она же избирает и аульных (единоличных) судей. В силу этого волостной управитель сделался полным хозяином волости и вершителем судеб населения. Опираясь на волостной съезд выборных, он проводит в судьи лиц, угодных ему или его партии [сторонникам. — Д. В.]; он распределяет между аулами земли так, как это выгоднее ему и его приверженцам, не останавливаясь даже перед нарушением прочно сложившегося фактического пользования, путем возбуждения через своих приверженцев неосновательных земельных споров» [18, л. 21 об. — 22]. Это провоцировало бесчисленные беспорядки и острое противостояние при выборах волостных управителей. Размышляя об этом, столичные специалисты делали вывод о том, что «первым и главнейшим условием к предотвращению партийных раздоров в киргизских обществах должно быть признано устранение волостных съездов от земельных дел» [18, л. 22 об.].

Учитывая, что разрешение судебных споров в общесудебном порядке можно было бы осуществлять лишь после проведения землеустройства по всем правилам, столичные чиновники предложили разбирать такие дела в порядке «полюбовного развода», то есть возложить их «на крестьянских начальников или заменяющих их лиц, в порядке судебно-полицейского разбирательства, подобно тому, как это ныне и установлено ст. ст. 440—443 Временного Положения о крестьянских начальниках в отношении земельных споров, возникающих между крестьянами и инородцами» [18, л. 22 об.].

С признанием же аульного общества хозяином занимаемой земли вопросы распоряжения ею должны были перейти с волостного уровня полностью в ведение аульных съездов. Степное Положение 1891 г., стремясь упорядочить арендные отношения, разрешило сдачу казахами подворных земель в аренду лишь с разрешения волостного съезда. Однако на практике казахи продолжали практиковать самовольную сдачу (как привыкли делать по Временному Положению 1868 г.), что приводило к злоупотреблениям как с одной, так и с другой стороны. Еще больше злоупотреблений возникало при аренде земель у целых аульных обществ. Одновременно, признавая безосновательным участие съезда волостных выборных в решении вопросов исключительно аульной компетенции и ссылаясь на требование закона, призывавшего насаждать и развивать единоличное землепользование среди казахов (§ 125), лица, ответственные за переселенческое дело в стране, признали потерявшими актуальность и опасения возникновения в степи самовольных русских поселений, которые могли спровоцировать неосторожную сдачу в аренду казахской земли. Что касается последнего вопроса, то после 1891 г. ситуация здесь кардиналь-

но изменилась — степь стала открытой для переселения и изъятие казахских земель для образования переселенческих участков осуществлялось под контролем правительства.

Исходя из этого Главное управление землеустройства и земледелия признало необходимым: 1) дела по сдаче в аренду земли аульными изъять из ведения волостного съезда выборных и передать аульному съезду кибитковладельцев; 2) восстановить правило 1868 г., позволявшее каждому кибитковладельцу самостоятельно сдавать в аренду земли, находящиеся в его исключительном пользовании, с ведома аульного съезда. «Восстановление этого порядка соответствовало бы не только юридической природе владения сими участками, но и правовому положению самих киргизов, пользующихся, как гласит ст. 11 Степного Положения, правами сельских обывателей, которые имеют право сдавать в аренду участки, отведенные им из общинных земель» [18, л. 22 об.].

Что же касается необходимости государственного контроля за сделками по аренде, то столичные чиновники сочли преждевременным от них отказаться исходя как из необходимости соблюдения законов при их оформлении, так и во избежание недоразумений и неудобств при реализации правительственной программы по переселению земледельцев в Казахскую степь. При этом соответствующие функции предлагалось возложить на местные уездные органы, то есть на уездные съезды крестьянских начальников. Того же мнения придерживалось и состоявшееся в 1907 г. межведомственное совещание при МВД [18, л. 25 об., 26].

Руководители аграрных отношений в стране сочли не менее важным и вопрос о налогообложении, который нуждался в упорядочении. Первая попытка урегулирования этого дела во Временном Положении 1868 г. не увенчалась успехом. Норма, которая возлагала на аульный съезд разверстку налога в зависимости от благосостояния кибитковладельцев, привела к противному результату. И волостные и аульные съезды на практике раскладывали подать так, что состоятельные плательщики вносили в общий котел едва ли не меньше, чем их менее счастливые соседи. Местные власти искали выход. Администрации Акмолинской и Семипалатинской областей навязали свое мерило при определении состоятельности казахов — количество скота в хозяйстве. Вполне понятно, что эта мера не стала универсальной и объективно не отражала уровня жизни казахов. Отсутствие правильного налогообложения вело к нарастающему накоплению недоимок в степных областях и к полному разорению малоимущих казахских хозяйств, что, в свою очередь, сокращало число налогоплательщиков. Тем не менее, не видя абсолютно никакой перспективы совершенствования кибиточного сбора, петербургские чиновники предложили пойти по пути, опробованному у казахов и калмыков Астраханской губернии, — заменить кибиточный сбор сбором со скота [18, л. 27 об., 28].

Своеобразным обобщением всего сказанного стало предложение столичных чиновников отказаться от установленных Степным Положением 1891 г. ограничений выборного начала и приравнять порядок избрания должностных лиц казахского общественного управления к порядку, установленному для крестьян, то есть фактически восстановить правила, установленные Временным Положением 1868 г. «Установление однообразного с крестьянским порядка выбора и утверждения должностных лиц общественного управления киргизов представляется тем более необходимым, что все инородцы Российской империи относятся к разряду сельских обывателей и, пользуясь правами и преимуществами, одинаковыми с крестьянами, должны, казалось бы, подчиняться и одинаковым с коренным русским населением правилам общественного устройства» [18, л. 29 об.]. Опасаясь «ничейного» результата вследствие партийных махинаций, а также вообще возможного срыва мероприятия вследствие неявки избирателей, чиновники ГУЗЗ сочли необходимым «оставить за администрацией право назначать должностных лиц из числа

местных киргизов собственной властью в тех случаях, когда население совсем не приступит почему-либо к избанию таковых» [18, л. 29 об.]. С другой стороны, опасаясь возникновения ситуаций, когда крестьянские начальники сталкивались бы с необходимостью утверждать в должностях лиц, не соответствующих своему назначению, было предложено «в интересах дела» предоставить крестьянскому начальнику «право не утверждать таких лиц в должностях и представлять выборное производство на усмотрение губернатора, от которого уже и зависело бы или признать намеченных сходами кандидатов достойными занять должности по общественному управлению, или назначить новые выборы». Такой порядок признавался тем более уместным, что он уже был введен среди коренного населения Забайкальской области в 1901 г. и не встречал проблем в реализации [18, л. 30].

Вместе с тем столичные чиновники предложили снять ограничения с вознаграждения общественных должностных лиц, «ибо заранее определенный в этом случае размер вознаграждения, как это установлено статьями 71 и 75 Степного Положения, является весьма стеснительным: для малолюдных обществ он является весьма обременительным, а в многолюдных он недостаточен по количеству работы, упдающей на должностных лиц, почему последние прибегают к различного рода обходам закона» [18, л. 30]. Исходя из того, что самоотверженная работа общественных должностных лиц требует полной самоотдачи и забвения собственных экономических интересов, предлагалось возложить обязанность установления размера вознаграждения на государственную администрацию, аналогично § 196 Общего Положения о крестьянах [18, л. 30—30 об.].

Возвращаясь к судьбе волостных съездов выборных, сотрудники ГУЗЗ высказали желание формировать их по аналогии с крестьянскими волостями, по одному выборному от каждых 10 кибиток, но с учетом сложности созыва такого количества участников в условиях степи готовы были согласиться на представительство по одному выборному от 20 кибиток [18, л. 30 об.], что и так было значительным прогрессом в сравнении с действовавшим законодательством, разрешавшим представительство на съезде пятидесятников.

Проведенный обзор документов убеждает, что в начале XX в. российский законодатель стремился утвердить казахов в ряду ординарных подданных империи, наиболее подходящих им по статусу — крестьян. И в этом нет никакого отступления от государственного курса на сближение окраины с внутренними губерниями страны, провозглашенного в 1868 г. Другое дело, что тенденция к внедрению единоличного хозяйства, давшая толчок к развитию сельского хозяйства во внутренней России, в Казахской степи получала иной эффект, вела не только к седентаризации коренного населения и ломке традиционного уклада, но и к многочисленным злоупотреблениям и падению уровня жизни казахов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00078.

Список использованных источников и литературы

1. Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы : Ин-т Азиатских исследований, 2018. 562 с.
2. Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII—XIX вв.: историко-географическое исследование. М. ; СПб. : Ин-т российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с.
3. Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.
4. Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 470 с.

5. Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. : ИБП, 2015. 303 с.
6. Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. М. : ИП Лысенко А. Д. PRESS-BOOK.RU, 2018. 484 с.
7. История Казахстана и России в документах: Прииртышье и Приобье в XVIII — начале XX в. : сб. док. / под ред. Т. К. Щегловой, Г. Е. Отеповой, А. В. Контева. Барнаул ; Павлодар : АлтГПА, 2013. 440 с.
8. Кочевые народы Центральной Евразии XVIII—XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи : сб. науч. статей / отв. ред. Г. С. Султангалиева. Алматы : Қазақ университеті, 2015. 293 с.
9. Кузнецов Д. В. Колонизационная и землеустроительная политика самодержавия в Степном крае в период проведения столыпинской аграрной реформы (часть 1) // Вестник Омского государственного аграрного университета. 2017. № 1 (25). С. 149—158.
10. Кузнецов Д. В. Колонизационная и землеустроительная политика самодержавия в Степном крае в период проведения столыпинской аграрной реформы (часть 2) // Вестник Омского государственного аграрного университета. 2017. № 2 (26). С. 153—163.
11. Мажитова Ж. С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII — начало XXI в.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 553 с.
12. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1 / сост. М. Г. Масевич. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1960. 441 с.
13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 38: 1822—1823. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
14. ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 11: 1894. СПб. : Гос. Тип., 1894.
15. Почекаев Р. Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII — начала XX в. М. : ИД ВШЭ, 2019. 424 с.
16. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М. : ИД Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
17. Почекаев Р. Ю. Правовое положение окраин Российской империи. Казахстан и Средняя Азия : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2017. 184 с.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. 1896 г. Оп. 84. Д. 15 г.
19. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : монография / отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул : АЗБУКА, 2014. 272 с.
20. Тарасова Е. В. Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 203—206.
21. Фризен Д. Я. К проблеме землеустройства казахского населения Западного Казахстана в XIX веке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 244—245.
22. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500—1800. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Поступила в редакцию 09.08.2019

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, доцент
 Московский городской педагогический университет
 Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
 E-mail: dvvasiliev@mail.ru

UDC 94(47).08:332.3

D. V. Vasilyev

Reorganization of Kazakh public administration in the context of the Stolypin agrarian reform

The interest in the problem of land management policy of the Russian government in the Kazakh steppe in the late 19th and early 20th century is determined by the fact that traditional trends continue to prevail in the research literature of recent years: the motivation of the expansionist policy of the tsarist government with a desire to make the region as accessible as possible for peasants from overpopulated areas of the internal Empire; explanation of the intensification of settling processes by the economic needs of the state.

However, acquaintance with the clerical and legislative documentation of the beginning of the 20th century convinces us that the main reason for the destruction of the traditional (communal-clan) lifestyle of Kazakhs was the development of a trend towards further rapprochement of the indigenous population with the corresponding layer of inhabitants of the country's inner provinces (peasants), proclaimed back in 1868. In practice, these aspirations turned not only into a destruction of the traditional lifestyle, but a decline in the standard of living of the Kazakhs.

Key words: nomadic pastoralism, sedentary agriculture, settling process, Stolypin reform, the Kazakhs, Kazakh steppe.

Vasilyev Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associated Professor
Moscow City University
Russian Federation, 129226, Moscow, Vtoroy Selskhozajstvenny proezd, 4
E-mail: dvvasiliev@mail.ru

References

1. Akimbekov S. *Kazakhstan v Rossiiskoi imperii* [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty, In-t Aziatskikh issledovaniy Publ., 2018. 562 p. (In Russian)
2. Bekmakhanova N. E. *Prisoedinenie Tsentral'noi Azii k Rossiiskoi imperii v XVIII—XIX vv.: istoriko-geograficheskoe issledovanie* [The accession of Central Asia to the Russian Empire in the 18th—19th centuries: historical and geographical research]. Moscow, St. Petersburg, In-t rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2015. 240 p. (In Russian)
3. Vasil'ev D. V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of the Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 638 p. (In Russian)
4. Vasil'ev D. V. *Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. XVIII — pervaya polovina XIX veka* [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII — the first half of the XIX century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 470 p. (In Russian)
5. Vasil'ev D. V. *Forpost imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Seredina XIX veka* [Outpost of the empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Mid 19th century]. Moscow, IBP Publ., 2015. 303 p. (In Russian)
6. Izbasarova G. B. *Kazakhskaya step' Orenburgskogo vedomstva v imperskikh proektakh i praktikakh pervoi poloviny XIX veka* [Kazakh steppe of the Orenburg department in imperial projects and practices of the first half of the XIX century]. Moscow, IP Lysenko A. D. PRESS-BOOK.RU Publ., 2018. 484 p. (In Russian)
7. *Istoriya Kazakhstana i Rossii v dokumentakh: Priirtysh'e i Priob'e v XVIII — nachale XX v.: sbornik dokumentov* [The history of Kazakhstan and Russia in the documents: Irtysh and Cis-Ob' region in the XVIII — early XX century. Collect. of documents]. Barnaul, Pavlodar, AltGPA Publ., 2013. 440 p. (In Russian)
8. *Kochevye narody Tsentral'noi Evrazii XVIII—XIX vv.: sravnitel'no-istoricheskii analiz politiki Rossiiskoi imperii: sbornik nauch. statei* [Nomadic peoples of Central Eurasia in XVIII—XIX centuries: a comparative historical analysis of the policies of the Russian Empire. Collect. of scientific articles]. Almaty, Kazak universiteti Publ., 2015. 293 p. (In Russian)
9. Kuznetsov D. V. *Kolonizatsionnaya i zemleustroitel'naya politika samodержавiya v Stepnom krae v period provedeniya stolypinskoj agrarnoi reformy (chast' 1)* [Colonization and land management policy of the autocracy

in the steppe region in the period of Stolypin agrarian reform (Part 1)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2017, no. 1 (25), pp. 149—158. (In Russian)

10. Kuznetsov D. V. Kolonizatsionnaya i zemleustroitel'naya politika samodержaviya v Stepnom krae v period provedeniya stolypinskoj agrarnoi reformy (chast' 2) [Colonization and land management policy of the autocracy in the steppe region in the period of Stolypin agrarian reform (Part 2)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2017, no. 2 (26), pp. 153—163. (In Russian)

11. Mazhitova Zh. S. *Institut biev v rossiiskoi i kazakhstanskoi istoriografii: komparativnyi analiz (XVIII — nachalo XXI v.): dis. ... d-ra ist. nauk* [The Institute of Biys in Russian and Kazakhstani Historiography: A Comparative Analysis (XVIII — Early XXI Century). Dr. Dis.]. Moscow, 2016. 553 p. (In Russian)

12. *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia until the Great October Socialist Revolution)]. Vol. 1. Alma-Ata, Izd-vo Akademii nauk Kazakhskoi SSR Publ., 1960. 441 p. (In Russian)

13. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI)*. Sobr. 1 [Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1]. Vol. 38: 1822—1823. St. Petersburg, Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii Publ., 1830. (In Russian)

14. *PSZRI*. Coll. 3. Vol. 11: 1894. St. Petersburg, Gos. Tip. Publ., 1894.

15. Pochekaev R. Yu. *Gosudarstvo i pravo v Tsentral'noi Azii glazami rossiiskikh i zapadnykh puteshestvennikov XVIII — nachala XX v.* [State and law in Central Asia through the eyes of Russian and Western travelers of the 18th — early 20th centuries]. Moscow, ID VShE Publ., 2019. 424 p. (In Russian)

16. Pochekaev R. Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII — nachalo XX v.* [Governors and khans. The personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII — early XX century]. Moscow, ID Vyshei shkoly ekonomiki Publ., 2017. 384 p. (In Russian)

17. Pochekaev R. Yu. *Pravovoe polozhenie okrain Rossiiskoi imperii. Kazakhstan i Srednyaya Aziya* [The legal status of the outskirts of the Russian Empire. Kazakhstan and Central Asia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 184 p. (In Russian)

18. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1291. 1896 g. Op. 84. D. 15g.

19. *Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX — nachalo XX v.)* [Traditional Kazakh society in the national politics of the Russian Empire: conceptual foundations and implementation mechanisms (XIX — early XX centuries)]. Barnaul, AZBUKA Publ., 2014. 272 p. (In Russian)

20. Tarasova E. V. *Vliyanie pereselencheskogo dvizheniya na zemel'nye otnosheniya v Stepnom krae i Turkestane v kontse XIX — nachale XX v.* [The influence of the resettlement movement on land relations in the Steppe Territory and Turkestan in the late XIX — early XX centuries]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya of Altai State University*, 2013, no. 4-2 (80), pp. 203—206. (In Russian)

21. Frizen D. Ya. *K probleme zemleustroistva kazakhskogo naseleniya Zapadnogo Kazakhstana v XIX veke* [To the problem of land management of the Kazakh population of Western Kazakhstan in the XIX century]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki — Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2013, no. 4, pp. 244—245. (In Russian)

22. Khodarkovskii M. *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500—1800* [Steppe lines of Russia: the dawn of the colonial empire. 1500—1800]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 352 p. (In Russian)